

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

В.И. СИЛАНТЬЕВА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой зарубежной литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

ИГРА КАК ЖИЗНЬ И ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Рецензия на книгу О.А. Корниенко

«Игровая поэтика в литературе»

(К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2017. – 242 с.)

Корниенко О. А.

ИГРОВАЯ ПОЭТИКА В ЛИТЕРАТУРЕ

Учебное пособие

*« – Я, право, не знаю, смогу ли играть по
всем правилам...»*

Ст. Цвейг

*«Однажды играли в карты у конногвардей-
ца Нарумова ...
шампанское явилось, разговор оживился,
и все приняли в нем участие...»*

А.С. Пушкин

Однажды мне повезло: на одной из научных конференций я слушала и радовалась тому, что слышу доклад Оксаны Александровны Корниенко, посвященный проблеме «Интернет и литература». Доктор филологических наук, профессор О.А. Корниенко уверенно структурировала, как мне казалось, совершенно хаотичный пласт современного «интернет-чтива», ее жанровые обобщения были

уместны, доказательны и показательны – я восхищалась и думала о том, как устарела моя профессиональная система отсчета. Вот, дескать, воспитанная в традициях строгого академизма, я не успеваю за теми, кто ныряет к «дельфинам», которые, посвистывая и дразня нас, формируют новое представление о культурной и межкультурной коммуникации. Вот, дескать, получается: мне – на обочину и «отброшенкой», а киевской коллеге – в гущу событий. «Ну что ж, – тянула я свою “телегу” по эмоциональному бездорожью, – Национальному педуниверситету имени

М.П. Драгоманова повезло: кафедру русской и зарубежной литературы возглавляет знающий и очень современный человек». «Да еще и большой профессионал». «Да еще и доступно-содержательный преподаватель». «Да еще и женщина “глаз не оторвать”».

Прошло время, и в книге О.А. Корниенко «Игровая поэтика в литературе» я прочла об Интернете как новой информационной системе, обозначившей момент перехода от «Галактики Гуттенберга» к электронной Сети (с. 191). И пусть эта массовая коммуникация превращает мир в «глобальную деревню» («Global village»), то есть усредняет восприятие мира, а вместо последовательно-логического навязывает человеку клиповое мышление, но она существует и нуждается в осмыслении. А кому обобщать и осмыслять? – Естественно, ученым. Историкам и философам в своем пространстве, а филологам, им – в пространственном языковом и литературном континууме.

Признаюсь: еще десять лет назад я бы пожалела Оксану Александровну, сказав ей, что лучшие годы отпущенного ей научного мышления она необдуманно тратит на осмысление низовой культуры, но по прошествии этих десяти лет, даже я – всегдашняя сторонница академически устойчивого, атрибутированного и временем проверенного литературоведения – должна признать: тот уровень научности, который демонстрирует О.А. Корниенко, в адресованном студентам своем пособии, профессионально безупречен.

В эту книгу Интернет-литература вошла только одной из частей исследования. Работа посвящена анализу игровых моделей, зафиксированных в литературе Нового и Новейшего времени. Огромный пласт искусства слова XX–XXI вв. подвергнут философско-эстетическому и теоретико-литературоведческому осмыслению. Причем, и очень часто, на уровне языковых микроэлементов текста. Признаюсь: я читала исследование Оксаны Александровны с наслаждением, потому что профессорская эрудиция восхищает, обозначает высоты профессионального служения делу и ориентирует на соответствующий уровень познания и анализа.

Выстраданный нашим поколением тезис о том, что усиление игрового начала означает собой начало *сдвига, слома и больших перемен*, стал у О.А. Корниенко отправной точкой исследования (с. 5). Начиная со смеховой культуры Рабле и раблезианцев, мир осознал, что вот так, смеясь, развенчивая, с издевкой над прошлым и просто улыбаясь, идут к тому, что в новой книге об игре названо «квинтэссенцией нового творческого опыта» (с. 5). Это движение «от периферии к центру», от традиции к выработке нового эстетического кода и показывает в своей работе профессор Корниенко.

Как принято в современных монографиях, теоретическое обоснование изучаемой проблемы находит отражение в первой главе работы («Феномен игры как явление междисциплинарного порядка»). Здесь представлены философское обоснование игры, а также игра как элемент искусства. Помимо большого обзорного материала, столь нужного как уже состоявшимся филологам-профессионалам, так и начинающим исследователям, формулируется главный тезис работы («игра оказывается основой формирования принципиально новой культуры», с. 13). А еще – обозначается перспектива будущих поисков («актуальной и перспективной видится проблема типологической классификации форм игры в литературе и дальнейшее углубление представлений об игровой поэтике», с. 17).

В общем контексте обобщений Й. Хёйзинга, Х.-Г. Гадамера, М.Бахтина, Ю. Лотмана, Н. Тмарченко, Ю. Тынянова и многих исследователей, чьи труды стали фундаментом для рассмотрения обозначенной проблемы, рассуждения и выводы О.А. Корниенко не кажутся «повторением пройденного» или простым «доуплотнением уже известного». Нет, Оксана Александровна находит свой путь к познанию: во-первых, очень интересен ее историко-литературный обзор возможностей существования игры в искусстве; а во-вторых, она выделяет «внетекстовую» и «внутритекстовую» разновидности игры. А еще, напомнив о Черубине де Габриак и прочих очаровательных персонажах литературных розыгрышей, заставляет задуматься о закономерностях их рождения и существования в пространстве искусства.

Взяв за основу выводы создателей научного издания «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» (под ред. Н. Тмарченко, 2008): «В современной поэтике И. (*игра*) понимается как авторская стратегия, включающая широкий спектр приемов, соответствующих разным типам. И к таким приемам относятся *скрытые аллюзии, разнообразные «шифры», неочевидные возможности прочтения (...), ложные, уводящие читателя «в сторону» ходы сюжета... и т.д.*» (с. 16), О.А. Корниенко именно этой стратегии исследования текста посвящает большую часть своей работы.

Отметим, что разделы и подразделы от второй по четвертую главы демонстрируют виртуозное авторское владение словом и умение Оксаны Александровны видеть, чувствовать и анализировать художественные тексты. Чувство «чужого слова» для филолога – одна из главных ипостасей его профессии; повторяем: О.А. Корниенко умеет читать художественный текст не просто хорошо, а так, как не умеют это делать «многие остепененные лица».

В поле ее зрения оказались игра смыслов, игра слов, каламбур, парномазия, амфиболия и зазвучало слово М. Цветаевой: «Дай мне о горе спеть // О моей горé» (с. 23). В этой связи новую жизнь обретает признание «“Поэма Горы” стала универсальным и вечным признанием любви», которое контрастно выделяет и перечеркивает «пошлость пошлого времени», подмеченную в советском быте А. Вознесенским: «время пошло и пошло».

Как филолог, наделенный «неспокойным сердцем», О.А. Корниенко часто вступает в полемику с оппонентами, чей опыт и знания кажутся многим непреложными. Так, не соглашаясь с теми, кто комментирует каламбур как «зубоскальство и «словесную побрякушку», она напоминает блистательные каламбуры, подаренные Ильфом и Петровым незабвенному Остапу Бендеру: «– Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это. – Как плюнуть? – Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма» (с. 27).

Очень интересным и глубоко осмысленным представляется и материал, связанный с приемом парномазии (парномасии). Определив ее как разновидность словесной игры, основанной на сближении слов, сходных в звучании и частично совпадающих в морфемном составе, исследовательница помимо прочего обращает внимание на особенно яркую «игривость» парномасии в устойчивых выражениях (см. с. 32–34). К таким можно отнести: «Ученые – свет, неученых – тьма» (Эмиль Кроткий); «Иных уж нет, а тех долечат» (Борис Брайнин); «В спорах побеждает нуднейший» (Вл. Ломанный); «Ахматова была моделью Модильяни» (А. Вознесенский).

Вне поля зрения О.А. Корниенко не остались и окказиональные словообразования. Причем, начиная с «будущности, трогательности» М. Ломоносова, «головотяпов, пенкоснимателей» Н. Карамзина и заканчивая «бездарью», подаренной И. Северяниным и «нимфеткой», предложенной миру В. Набоковым. И очень уместно и своевременно прозвучало в этом подразделе замечание, сделанное когда-то В. Хлебниковым: «Словотворчество есть взрыв языкового молчания» (с. 45). Ну да, словом играть начинаем, когда уж совсем невмочь...

В этом же ряду удачно прокомментирована и контаминация. К родному и любезному всем филологам «И кюхельбекерно, и тошно» А. Пушкина присоединены «мартобрь» Н. Гоголя; «зимарь» А. Вознесенского, а еще и «на душе бермуторно» Вл. Высоцкого. И как хорошо, что Оксана Александровна успевает заметить: эти словообразования уже понятны и без общелитературного контекста. Почему так случается – исследовательница тоже умеет рассказать.

Особенно важными в работе О.А. Корниенко являются подразделы, посвященные комментированию авангардных словесных новаций, которые, заявив о себе в начале XX в., прочно и, наверное, надолго утвердились в литературе нашего времени. И здесь фонография, звукоподражание и цветослово с незабываемым «брекекекс-ом», с «Бобэоби пелись губы, // Вэзоми пелись взоры» (с. 97), пришедшие, как кажется, издавека, вдруг заговорили с нами языком современных словесных излияний и признаний. Например, знакомое с детства «Чуридило» Генриха Сапгира, с которым мы совершенно сжились и уже не видим в этом создании ничего странного.

Ум и сердце рецензента непредсказуемо (закономерно и вполне предсказуемо?) вздрогнули при знакомстве с подразделом работы 3.2. «Принцип зашифровки». В нем собрана и проанализирована и, как представляется, удачно прокомментирована та поэтическая «игротека», которая всегда поражает как своими словесными усечениями, так и аскезой художественного слова, доступного лишь немногим поэтам-экспериментаторам. Оксана Александровна постаралась разгадать и обозначить принципы авторского шифрования больших смыслов в особых словесных миниформах. И, как нам кажется, акротексты, акрограммы и криптограммы подчинились ей.

Свои рассуждения об акротекстах О.А. Корниенко начинает с объяснения в любви Левина и Кити в романе Л. Толстого «Анна Каренина» (с. 128–129). Не найдя иных определений, воспользуемся архаичным «тонковкусие»: и действительно, нужно обладать хорошим литературоведческим вкусом, чтобы, улыбнувшись, отправить своих читателей от лирической сцены любовного объяснения «дворянских детей» Дмитрия и юной Кити к авангардно-футуристической зауми Василиска Гнедова, В. Маяковского, В. Каменского, Д. Бурлюка, И. Сельвинского. А потом еще и к нашему многострадальному времени, в котором уже устоявшийся акростих подаст руку постмодернистскому «многоглаголению» через «многоумолчание». И получится:

«А кто продюсер этого заката?»
«*Был отвергаем, но зато – какими...*»
«*В готовности к облому наша сила...*»
«*Заслушался, мадам, как Вы молчите...*»
«*Любви моей не опошляй согласьем...*»
«*Нет времени на медленные танцы...*»
«*Спасибо мне, что есть я у тебя...*»
«*Я без цветов, чтоб не было банально...*»

Еще не забыто нами время, когда поэма В. Брюсова «О закрой свои бледные ноги...» вызывала как недоумение, так и просто удивление. Оксана Александровна напоминает читателю едкие замечания первых критиков подобного рода стихотворчества («Ну при чем тут эти ноги?», с. 149); но, объяснив природу данного литературного явления, ведет студента-аспиранта-преподавателя к «Смехачам» В. Хлебникова, которые, невзирая на высказывание А. Блока: «Подозреваю, что значителен Хлебников...», воспринимались как «просто смеховой эксперимент»:

«*О, рассмейтесь, смехачи!*
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеянтвуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!»

Но точно так, как прозвучала когда-то трагическая нота всеобщей гибели в стихах В. Хлебникова:

«*Когда умирают кони – дышат,*
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – они поют»,

в подобном же контексте прочитываются строки и современных авторов-экспериментаторов. В общем, можно утверждать, что у наших современников, уже прочувствовавших, как ужасен длящийся вектор социального и морального распада и непостоянства, словесная игра приобретает преимущественно драматическое звучание. В подборке усеченных текстов, собранных О.А. Корниенко, находим:

«*И верую, и удивляюсь*» (Т. Сельвинская)
«*Судьба вокруг кромешная стояла*» (А. Федулов)
«*Разве можно сказать цветку, что он некрасив*» (В. Бурич)
«*И этот розовый лист упал в память*» (Т. Данильянц).

Заканчивая анализ большой и нужной работы О.А. Корниенко, снова напомним то, с чего начинали обзор: с активизации игрового начала в художественных текстах нашего времени. Этой проблеме посвящен четвертый раздел исследования, и синтетическая природа современного искусства слова прокомментированы в подразделах «Литература и музыка: аспекты и формы взаимодействия»; «Переосмысление, расширение и размывание границ искусства»; «Литература и Интернет». Фигурные стихи, каллиграммы, визуальная поэзия, графическая проза и многие формы перформанса русских концептуалистов представили здесь в полный рост. Роман-чат, роман-квест и прочие авторские «словосложения», которые рецензент еще так недавно побоялся бы назвать художественными и теми, которые просто своим существованием объясняют положение дел в современном искусстве, в этой книге прокомментированы очень достойно и с большим знанием дела.

В юности, когда мое поколение помимо хороших книг постигало искусство еще и в кинотеатрах, я, посмотрев фильм «Старшая сестра» (реж. Г. Натансон, 1966), навсегда запомнила фразу, выстраданную старшей сестрой Надей, роль которой исполнила Т. Доронина: «Идите в театр...» Для нее эта сентенция стала судьбоносной. Для меня, тогда искавшей свой взрослый жизненный путь, тоже. Ну что ж, профессионально-придирчиво прочитав по-настоящему хорошую работу О.А. Корниенко, я снова подошла к тому порогу, ступив на который, человек видит свои горизонты. Эта книга, названная автором «Игровая поэтика в литературе», необходима и полезна не только начинающим и уже состоявшимся литературоведам, она во многом и судьбоносна. Почему? – Потому что демонстрирует очень новый и современный взгляд на многие явления сегодняшней литературы и на возможности литературоведения, которому еще предстоит выработать какую-то новую шкалу оценок современных литературных текстов.